

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Ф.Л. СИНИЦЫН

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КОЧЕВНИКИ

История, политика, население
1917—1991 гг.

Федор Леонидович Синицын
Советское государство и
кочевники. История, политика,
население. 1917—1991
Серия «Новейшие исследования
по истории России», книга 19

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44005157

Советское государство и кочевники. История, политика, население.

1917—1991. / Синицын Ф.Л.: Центрполиграф; Москва; 2019

ISBN 978-5-227-08787-4

Аннотация

Россия испокон веков жила бок о бок с кочевыми народами Великой Степи и Севера, постепенно включая в свои границы «кочевые» регионы. Кульминацией этого процесса стала форсированная модернизация «кочевых» территорий, реализованная в Советском Союзе в 1930-е годы. Большинство кочевников практически в одночасье было «посажено на землю». В бескрайних степях выросли города, поселки и колхозы. Многие вчерашние вольные скотоводы стали земледельцами, пошли работать на заводы и шахты. В чем были причины ускоренного,

форсированного «привязывания» кочевых народов к земле и каковы исторические результаты этого процесса? На эти и другие вопросы ответит книга доктора исторических наук Ф.Л. Сеницына.

Содержание

Введение	6
Глава 1	26
Положение кочевой цивилизации	26
Советская власть и трансграничное кочевье: непримиримые противоречия	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Федор Сеницын
Советское государство
и кочевники.

История, политика,
население. 1917—1991

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

Рецензенты:

д. и.н., ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации М.В. Монгуш,

д. и.н., ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН К.В. Орлова

Введение

Кочевничество¹ возникло в начале первого тысячелетия до н. э. в отдельных областях пустынно-степных областей Евразии. Где бы на земном шаре ни обитали кочевники, их жизнь и хозяйственная деятельность чрезвычайно схожи², что дает нам право говорить о существовании особой, непохожей на другие, кочевой цивилизации. Кочевание является и типом хозяйства, и образом жизни, при котором вместе со стадами между сезонными пастбищами регулярно мигрируют полные семьи скотоводов, включая неработоспособных маленьких детей и стариков³. Кроме того, есть кочевники, которые занимаются охотой и собирательством⁴.

К настоящему времени многие кочевые народы полностью или по большей части перешли на оседлость. Тем не менее часть населения земного шара продолжает вести кочевой образ жизни. Так, более чем полвека назад (в 1967 г.) кочевое население мира достигало 15 млн человек. В Саудовской Аравии кочевники составляли 60 %, в Ливии – 26 %, в Афганистане – 17 %, в Марокко – 15 %, в Иране – до 13 %, в Чаде – 12 % населения⁵. В 1982 г. в 30 странах мира проживало около 18–20 млн кочевников⁶. В 1985 г. неоседлые люди осваивали не менее 20 % суши. В Африке и Юго-За-

падной Азии численность неоседлых достигала около 6 %, в Южной Азии – более 1 % населения. В СССР проживали 200 тыс. кочевников⁷. В настоящее время численность кочевников и полукочевников в мире составляет оценочно более 20 млн человек.

На протяжении своей истории Советское государство взаимодействовало с кочевой цивилизацией. Процесс этих взаимоотношений очень важен и интересен, так как советская политика по отношению к кочевникам претерпела ряд изменений, колебаний, и в том числе привела к жесткому столкновению между государством и кочевой цивилизацией.

Советские историки оценивали политику СССР по отношению к кочевникам в целом положительно. Считалось, что она соответствовала нуждам развития кочевых народов, для которых в советских условиях стал возможным «непосредственный переход к социализму, минуя капитализм»⁸, причем без «игнорирования положительных национальных традиций»⁹.

Осуществленный при советской власти перевод кочевников на оседлость¹⁰ оценивался как положительное явление, возможное только при социализме¹¹. М.Х. Шаумян сделала вывод, что «кочевая форма хозяйства по своей природе несовместима с социализмом», из чего вытекала «историческая необходимость организованного оседания кочевников»¹², имеющего цель «покончить с системой ничем не

оправданного и нерационального кочевого скотоводства»¹³. В.В. Грайворонский полагал, что для этого в социалистических странах – СССР и Монгольской Народной Республике (МНР) – произошли все необходимые изменения¹⁴. Однако в 1980-х гг. отечественные ученые стали высказывать сомнения в необходимости перевода кочевников на оседлость. Так, Б.В. Андрианов поставил вопрос, являются ли кочевники «только анахронизмом или могут быть активно использованы на новой технической основе, в новых социальных условиях? Всюду и всегда ли необходим... полный переход от круглогодичного кочевания отдельных групп населения к оседлости?»¹⁵.

Коллективизация кочевых хозяйств рассматривалась советскими учеными как «неизбежная закономерность»¹⁶ (хотя и «очень сложный процесс»¹⁷), которая в совокупности с оседанием кочевников «являлась единственным средством подъема сельскохозяйственного производства в ауле»¹⁸. Таким образом, «одновременно решались две исторические задачи»¹⁹. Однако В.В. Грайворонский сделал вывод, что коллективизация и оседание – «это не один, а два вполне самостоятельных процесса»²⁰. А. Зулхарнаев отмечал, что исходя из опыта советского

Севера и Монголии оседание кочевников может проводиться и после завершения коллективизации²¹.

Так же положительно оценивалась политика переселения, которая имела своей целью «перевод кочевников на оседлый образ жизни, приобщение их к социалистическим производственным отношениям и формам социалистического общежития»²². С.Б. Баишев представлял массовую миграцию населения в Казахстан в годы освоения целины как «миграцию нового, социалистического типа», которая «качественно отличалась» от «переселений, имевших место в дореволюционную эпоху», и «не имела ничего общего... с колонизацией так называемых свободных земель в США и Канаде»²³.

Итоги советской политики по отношению к кочевникам рассматривались как безусловно положительные²⁴ («огромный скачок», «избавление от эксплуатации и нищеты»²⁵). М.О. Могордоев даже описал эти результаты поэтически: «Унылая мелодия задавленного безысходной нуждой бедняка-кочевника, одиноко терявшаяся в степях сурового, необжитого края, сменилась бодрой, жизнерадостной песней возрожденного народа, поднявшегося на гребень великой стройки коммунизма»²⁶.

Советские историки пытались оправдать или объяснить ошибки, допущенные властями СССР в отношении кочевников. А. Зулхарнаев писал, что в программе перевода на оседлость «молодое Советское государство лишено было возможности... опереться на чей-либо опыт, так как подобных примеров в истории не существовало»²⁷. Т. Усубалиев под-

черкивал, что хотя «были... отдельные периоды, когда забота о сохранении и развитии... [хозяйственных] традиций [коренного населения] не стояла на первом плане», тем не менее «большевики Киргизии бережно и вместе с тем экономически оправданно подходили» к ним²⁸.

В советской историографии отмечены попытки скрыть негативные последствия политики по отношению к кочевникам – в частности, голод в Казахстане. Н.И. Платунов писал, что в начале 1930-х гг. «большинство кочевников и полукочевников Казахстана предпочло осесть не в аулах, а в городах либо переселиться за пределы республики». Он утверждал, что 500 тыс. бывших кочевников переселились в города и 900 тыс. – выехали за пределы Казахстана²⁹, фактически замалчивая тот факт, что на самом деле многие из них погибли во время голода.

Советские ученые подчеркивали кардинальные преимущества политики СССР³⁰ в сравнении с зарубежной. По мнению И.Я. Златкина, в мире практиковались два варианта перевода кочевников на оседлость: «западный» – «насильственное вытеснение номадов, для которых “нет места” в мире, возглавляемом западной цивилизацией», и «марксистско-ленинский» – «революционная ломка архаических форм хозяйства, социального строя и домашнего быта, совершаемая самими массами трудящихся кочевников под руководством» коммунистической партии³¹. В.В. Грайворон-

ский отмечал, что в капстранах «в первую очередь вынужденно переходит к оседлости беднота, разорившиеся скотоводы-кочевники», тогда как в условиях социализма оседание выступает как «результат целенаправленной и планомерной политики... направленной на всемерное улучшение... положения населения»³². И.С. Гарусов считал, что «оседание и концентрация малых народов советского Севера в корне отличны от такого же процесса на зарубежном Севере, где он проходил за счет хищнического разрушения традиционных отраслей хозяйства и привел к трагедии коренного населения»³³.

Кроме фактически однозначно положительной оценки политики СССР, у советских исследователей имелись другие спорные выводы. Во-первых, мнение о наличии «осознанной тяги кочевников к оседанию», которая якобы возникла при советской власти³⁴, особенно в ходе коллективизации³⁵ и индустриализации³⁶. (Реальное существование такой «тяги» весьма сомнительно.) Во-вторых, вывод о том, что советская власть отказалась от политики переселения, которую вела Российская империя, в том числе упразднив переселенческие учреждения³⁷. (Однако известно, что при советской власти были созданы новые аналогичные структуры, и переселение в малонаселенные и слабо освоенные районы страны было важным направлением политики СССР.) В-третьих, мнение о положении отдельных кочевых народов

– например, что у цыган «сочетание... добровольности оседания и реального обеспечения оседлости определило прочность оседлости»³⁸. (Тем не менее ни о добровольности, ни о прочности оседания у цыган говорить нельзя.)

Современные оценки советской политики российскими и зарубежными учеными отличаются широкой палитрой мнений.

Так, С.Ш. Казиев сделал вывод, что, «несмотря на чрезмерную “цену” модернизации, коллективизация и оседание казахского аула создали возможности для интеграции народов республики, действительного выравнивания культурного и социального уровней развития», предоставили «беспрецедентно широкие возможности для развития образования, культуры, здравоохранения». Именно поэтому «казахи были одним из наиболее лояльных к Советскому государству этносов»³⁹.

Кроме того, ученые дают советской политике двойственную оценку. З.Е. Цыренова признает «величайшие достижения страны, а вместе с ней и коренных народов», однако при этом отмечает, что «этносы были подвергнуты историческому эксперименту, который способствовал утрате связи с традиционным укладом, образом жизни»⁴⁰. По мнению М. Пейна, в Казахстане были и «позитивные нововведения», и «насильственное обездоливание», которое привело к «разрушению казахского традиционного общества»⁴¹.

Наконец, многие исследователи жестко критикуют советскую политику перевода кочевников на оседлость, реализованную в 1930-х гг., считая, что она «стала настоящей катастрофой»⁴², привела к разрушению хозяйственных связей, массовому отрыву от традиционного хозяйства⁴³ и образа жизни⁴⁴, «насильственной декультурации»⁴⁵, потере «духовных корней»⁴⁶. А.М. Хазанов и К. Шапиро сделали вывод, что «в советский период казахские скотоводы рассматривались как морские свинки, сырье в погоне за тщетной утопией»⁴⁷. По мнению А.В. Головнева, «“успешные” опыты перевода на оседлость обернулись “драмой поселков” с их депрессивностью, маргинальностью, отсутствием занятости и полноценной самореализации (особенно мужчин) – в отличие от “здоровой тундры” или “здоровой степи”, по-прежнему дающей образцы культурной и экономической состоятельности, человеческого достоинства и успеха»⁴⁸.

В ученом сообществе имеются разные мнения о целях советской программы перевода кочевников на оседлость. В первых, считается, что она имела политические цели, в том числе ликвидацию власти «родовых авторитетов»⁴⁹. С.Ш. Казиев сделал вывод о негативных последствиях такой политики: по его мнению, аульная беднота не обладала такими же деловыми качествами, как «родовые авторитеты» (баи), которые были «наиболее умелыми скотоводами, обладавшими организаторским опытом и способными вывести сороди-

чей из хаоса оседания»⁵⁰. Ученые также указывают на такие цели, как распространение «благ социалистической цивилизации» на все народы страны⁵¹, реализация «империалистических» планов⁵² и русификация «кочевых» регионов. И. Огайон видит такую цель у советской политики в Казахстане⁵³, а Р. Киндлер считает, что обоседление в основном воспринималось казахами как попытка русифицировать их и лишить идентичности⁵⁴. Ж.-Ж. Мари полагает, что и более поздняя политика государства – а именно освоение целины – «для Хрущева... было средством русификации Казахстана»⁵⁵.

Во-вторых, исследователи выделяют экономические цели: «выполнение планов мясозаготовок»⁵⁶, заселение пустующих территорий, распространение социалистического уклада экономики. В-третьих – административные цели, в том числе унификацию системы расселения населения, реализацию института прописки, пресечение неконтролируемого перемещения граждан⁵⁷. Наконец, говорится о том, что, переводя кочевников на оседлость, власти в целом решали очень широкие задачи, вытекавшие «из всей идеологии большевизма, из концепции тоталитарного государства»⁵⁸.

С одной стороны, исследователи указывают на изначальную абсурдность программы обоседления кочевников, которая «была лишена объективно обуславливающих предпо-

сылкок: естественно-природных и материально-технологических»⁵⁹. При этом власти СССР «не учли психологии кочевников»⁶⁰. Если бы эта программа не была реализована, то «трансформация [номадизма] могла произойти естественным путем без многочисленных жертв и последующих негативных последствий»⁶¹. С другой стороны, М. Гаммер отмечает, что аналогичные программы были реализованы во всех частях света, причем многие страны проявили в этом плане «беспрецедентные и удивительно успешные усилия». В то же время он указывает, что только «в Советском Союзе обоседление кочевников было частью большей... программы коллективизации»⁶².

В целом вся программа модернизации сельского хозяйства, осуществленная в СССР, получила у историков разные оценки – и положительные⁶³, и отрицательные⁶⁴. А. Томас отмечает, что модернизация «кочевых» регионов имела сходство с аналогичным процессом во всей стране и седентаризация кочевников «в значительной степени соседствовала с атакой государства на русское крестьянство»⁶⁵. (Действительно, массовую откочевку в период коллективизации в Казахстане, Киргизии и других регионах можно сравнить с уходом крестьян в города. Известно, что в период коллективизации из деревни бежали 18 млн человек⁶⁶.)

Многие ученые оценивают коллективизацию, осуществленную в «кочевых» регионах, отрицательно. По мнению

Е.Н. Черных, колхозы в условиях кочевого образа жизни являются просто нелепостью⁶⁷. Р. Дэвис и С. Уиткрофт считают, что «коллективизация и раскулачивание противоречили традиционному образу жизни казахов еще резче, чем крестьянскому укладу других районов СССР»⁶⁸.

Одним из наиболее спорных вопросов является оценка советской политики обоседления и коллективизации кочевников как «акта геноцида». В. Михайлов пишет, что «в три года коллективизации [Ф.И.] Голощекин⁶⁹ сделал с Казахстаном примерно то же, что Пол Пот с Кампучией»⁷⁰ (как известно, в 1975–1979 гг. последний развернул в этой стране геноцид). Р. Киндлер сделал вывод, что эскалация коллективизации и обоседления «поставила местное общество на грань уничтожения», При этом, по его мнению, в период голода в Казахстане в 1932–1933 гг. «все попытки спасения со стороны большевиков имели целью главным образом не помощь голодающему населению, а поддержку слабеющей экономики и сохранение социального контроля»⁷¹. В то же время Р. Дэвис и С. Уиткрофт хотя «отнюдь не снимают со Сталина ответственности за голод», однако полагают, что «советское руководство боролось с кризисом, отчасти вызванным его ошибочными политическими решениями, но тем не менее неожиданным и нежеланным»⁷². С.Ш. Казиев сделал вывод, что «массовая гибель людей и откочевки сотен тысяч скотоводов за пределы страны в Центральной Азии были

результатом ошибок и “перегибов” строителей нового общества, а не преднамеренным этноцидом “отсталых” народов. Советское государство никогда не планировало физического уничтожения этнических общностей»⁷³.

Спорным остается вопрос о наличии этнического фактора в советской политике по отношению к кочевникам. Есть мнение, что отношения между кочевыми этносами и властью были конфликтными по вине последней, а также что обоседление и коллективизация кочевников имели этнический аспект (лишение традиционной идентичности и пр.). Т. Мартин считает, что в период коллективизации «в Казахстане местные русские выместили свой гнев на казахах-кочевниках, в одночасье лишившихся защиты»⁷⁴. Т.К. Алланиязов сделал вывод, что во время восстания в Каракумах в 1931 г. туркмены и казахи «отстаивали свои законные права жить так, как жили их отцы, деды и прадеды»⁷⁵. Однако В.Г. Чеботарева пишет, что после Октябрьской революции именно «для русских и украинских крестьян, казаков наступило время расплаты за колониальную политику русского царизма»⁷⁶. А. Томас отмечает, что политика перевода кочевников была разработана не в Москве, а, «по-видимому... в казахской партийной организации», и такая политика «была результатом глубоко высокомерного отношения к кочевничеству, разделяемого многими русскими и казахскими (курсив мой. – Ф. С.) коммунистами с первых дней Советской

власти»⁷⁷.

Не до конца проясненным вопросом остается связь депортаций народов, осуществленных в СССР в 1930—1940-х гг., и освоения территории «кочевых» регионов. В целом историки не пришли к единому мнению о причинах депортаций народов СССР во время Великой Отечественной войны: в основном указываются «устрашение», «возмездие» противнику и его союзникам в связи с началом войны, наказание за «пособничество» врагу во время оккупации, «превентивные меры» и освобождение стратегически важных областей страны от «потенциально нелояльного» населения, решение национального вопроса⁷⁸. Тем не менее отмечаются и экономические причины, что напрямую касается судьбы «кочевых» регионов, в которые были переселены депортированные люди. С.Ш. Казиев пишет, что с 1929 г. Казахстан оказался открыт не только для добровольного переселения, но и для массовых депортаций. Кроме того, после голода начала 1930-х гг. здесь возник острый дефицит трудовых ресурсов⁷⁹. Л.П. Белковец отмечает, что в предвоенный период «советское руководство намеревалось заселить малоосвоенные территории Сибири, Казахстана и Средней Азии, создав на них прочную тыловую базу для предстоящей войны»⁸⁰. И. Огайон сделала вывод об актуальности цели освоения этих регионов в годы Великой Отечественной войны⁸¹, а С.И. Асхаков говорит о том же относительно послевоен-

ного периода, когда из этих регионов были реэвакуированы специалисты, отправленные туда в годы войны⁸². Р. Киндлер считает, что задачей заключенных и спецпоселенцев было в том числе освоение целины⁸³. Т.Е. Васильченко сделала вывод, что «депортации... соответствовали концепции принудительного труда, считавшегося экономически эффективным. Именно поэтому всех депортированных расселяли по богатым природными ресурсами, но малонаселенным районам страны»⁸⁴.

Преимственность политики Российской империи и СССР в отношении кочевых народов также остается дискуссионным вопросом. М. Ходарковский сделал вывод, что такая преимущественность была: «Колониальное наследие Российской империи... было унаследовано советским режимом в 1917 г. В следующие 74 года советское правительство имело дело с такими же конфликтами, пусть даже с несколько другими целями и дилеммами»⁸⁵. А. Томас считает, что «кочевничество сформировалось в советском воображении во многом из старых инстинктивных предрассудков царской эпохи», и «коммунистическая мысль о кочевниках действительно напоминала размышления царских чиновников»⁸⁶. Современные казахские историки также полагают, что между колониальным и советским периодами не было разрыва: «захват» Россией казахских земель в течение XIX в. «неизбежно предвещал насильственную и гибельную оседлость в

XX в.»⁸⁷. Однако другое мнение высказал М. Гаммер: «Большевики отвернулись от прошлого России и решительно отвергли его»⁸⁸. В. Коларц отмечал существенные различия в последствиях переселенческой политики Российской империи и СССР, так как «советская колонизационная политика пошла дальше» дореволюционной⁸⁹.

Спорным вопросом является сравнение политики России и европейских стран. Некоторые историки находят у них сходство. Э. Шатц полагает, что «быстрое завоевание царской Россией Средней Азии имеет много параллелей» с «лихорадочной борьбой за африканские колонии»⁹⁰. Н. Пьянчола сравнил опыт казахов и киргизов с историей «колонизации других территорий вне Европы, населенных неоседлым населением», – например, британской колонизации Австралии, где применялся принцип захвата «ничьей земли» (*terra nullius*)⁹¹.

Однако те же самые ученые находят и различия. Так, Э. Шатц пишет, что процесс присоединения «кочевых» регионов к Российской империи все-таки был уникальным, так как «даже в Африке редкими были случаи, когда население без государства так радикально и так быстро поддалось чужим государственным институтам»⁹². Н. Пьянчола отмечает, что в британской колониальной политике и царской политике в Центральной Азии имелись отличия: в России фактически не было местного самоуправления и вся земля принад-

лежала государству. Кроме того, в отличие от того, что происходило в колониях европейских стран, ни Российская империя, ни тем более советский режим, за исключением некоторых периодов, никогда не идентифицировались с колонистами⁹³, которые селились на окраинах страны сами по себе, без участия государства.

Следует отметить, что в XX в. процесс перевода кочевников на оседлость шел не только в СССР, но и во многих других странах мира (хотя ранее программы обоседления чаще всего имели очень ограниченный успех⁹⁴, современные технологии дали «оседлому» государству подавляющую силу для осуществления этой задачи⁹⁵). Оценка судьбы кочевой цивилизации в новейшее время и политика иностранных «оседлых» государств в отношении кочевников также вызывает среди ученых дискуссии.

Во-первых, исследователи делают вывод о неизбежности кризиса кочевой цивилизации. Ж.Б. Абылхожин считает, что одной из причин этого кризиса является то, что она «постепенно исчерпывает свой экологический и технологический потенциал»⁹⁶. Многие ученые констатируют, что под воздействием «оседлой» цивилизации номадизм «постепенно разлагается», «отмирает»⁹⁷, с перспективной угаснуть окончательно⁹⁸. Французский ученый Л. Леюро вообще призывал дать кочевничеству «хорошо умереть»⁹⁹. В начале XXI в. некоторые ученые на вопрос «Конец номадизма?»

дают положительный ответ¹⁰⁰.

Кроме того, мнение об «отсталости» и других негативных чертах кочевой цивилизации было в определенной степени использовано в своих целях «оседлыми» государствами, которые разделяли идеологию «седентаризма» (представление о кочевниках как о диких, нецивилизованных грабителях, не способных что-либо производить самостоятельно)¹⁰¹. Некоторые ученые на Западе рассматривают «седентаризм» как «специфическую форму расизма, которая исходит из того, что оседлый образ жизни является нормой, а кочевание – абберацией»¹⁰². В ряде стран мира эта идеология была использована, например, в пропаганде, направленной против арабов-кочевников¹⁰³, а в Великобритании местные номады иногда подвергаются уголовному преследованию даже «не за свои действия, а за само свое существование»¹⁰⁴.

Однако есть и другое мнение о перспективах кочевой цивилизации. Еще до революции в России писали о выгоде сохранения кочевничества, особенно при его усовершенствовании и достижении «наивыгоднейшей эксплуатации живого инвентаря»¹⁰⁵. Известный исследователь Сахары Р. Капот-Рей в 1940-х гг. отмечал, что по климатическим причинам кочевничество является лучшим способом использования этого региона¹⁰⁶. На современном этапе некоторые ученые придерживаются мнения, что кочевая цивилизация выжила, «устояла перед административными на-

жимами и соблазнами оседлости»¹⁰⁷ и в глобализующемся мире не утратила «свой продуктивный и адаптивный потенциал»¹⁰⁸. Поэтому данный тип хозяйства необходимо сохранять, поддерживать, включать как составную часть в политические и социально-экономические структуры «оседлых» государств¹⁰⁹, а также модернизировать с целью повышения рентабельности¹¹⁰ в условиях сосуществования с другими отраслями экономики.

Во-вторых, спорным вопросом является необходимость перевода кочевников на оседлость. Как известно, «оседлое» государство часто стремится перевести кочевников на оседлость¹¹¹, чтобы сделать их «понятными», подконтрольными и организовать «кочевые» земли так, как надо этому государству. В XX в. за седентаризацию кочевников выступали некоторые французские ученые, израильские теоретики, а также определенные политические круги в Турции, Ираке, Иране, Египте. Последние считали, что кочевание – это отсталость, оно мешает национальной консолидации, а племенная организация кочевников несет опасность для государства как фактор разъединения общества¹¹².

Однако Р. Капот-Рей полагал, что в Сахаре прекращение кочевого образа жизни всегда сопровождалось безработицей и праздностью, и поэтому перевод кочевников на оседлость для этого региона был бы социальным бедствием¹¹³. По мнению Н.Н. Крадина, «опыт трансформации животно-

водческих сообществ в Азии и Африке и их адаптация к рыночной экономике индустриальных государств в последние века (как и процессу приватизации в нашей стране) показывает, что последствия могут быть не только неожиданными, но и катастрофическими»¹¹⁴. Как отмечал Ш. Зарипов, перевод в оседлость в любом случае – «процесс, требующий для своего осуществления нередко многих десятилетий»¹¹⁵.

В-третьих, ученые считают, что в условиях тесного контакта с «оседлыми» государствами кочевники не способны адаптироваться к тем условиям, которые диктует «оседлое» индустриальное и урбанизированное общество¹¹⁶. Так, например, на Ближнем Востоке и в Северной Африке такими вызовами для кочевников стали продвижение оседлого населения в зону кочевий в связи с расширением посевов технических культур, земельные захваты пригодных в обработке пастбищ, введение арендной платы за пастбища и источники воды¹¹⁷. Посягательство земледелия на территорию, традиционно занимаемую скотоводами, вынуждает их перемещаться на все более маргинальные и непродуктивные земли. Во многих регионах отсутствие у кочевников письменных документов о праве собственности на землю позволяет фермерским и лесным хозяйствам беспрепятственно захватывать пастбищные земли¹¹⁸. Наступление «оседлых» государств на кочевую цивилизацию и привело к тому, что номунизм как цивилизационная целостность оказался под угро-

зой исчезновения¹¹⁹ (так, в арабском мире кризис кочевничества начался еще в середине XIX в.¹²⁰).

В то же время исследователи говорили и о возможности сохранения и возобновления кочевничества в условиях «оседлых» государств. Они констатировали положительные изменения во взаимоотношениях между оседлыми и кочевниками, новыми принципами которых стали «взаимная необходимость, доверие и добрая воля», выгодная обеим сторонам экономическая взаимозависимость, хотя при этом «каждый предпочитает свой образ жизни»¹²¹.

Таким образом, большинство вопросов, касающихся политики СССР по отношению к кочевым народам, до сих пор остается дискуссионными или не до конца проработанными. Кроме того, актуальным является сравнение советского и зарубежного опыта в этой сфере. Анализу этих проблем и посвящена книга.

Глава 1

«Кочевые» регионы СССР в 1920-х гг

Положение кочевой цивилизации

В начале 1920-х гг. основная часть населения «кочевых» территорий СССР сохраняла традиционный образ жизни. Так, в Казахстане, где проживало 70 % кочевников страны¹²², к 1926 г. большинство представителей «титульной нации» (по разным оценкам, от 55–60 до 90 %¹²³) вело кочевой или полукочевой образ жизни. 85–90 % населения республики были заняты в животноводстве¹²⁴, и такой же процент всей земли региона использовался скотоводческими хозяйствами¹²⁵.

Кочевание в Казахстане проходило в меридианном направлении (с севера на юг и обратно), а длина перегона составляла до 700 км. В Киргизии дальность кочевков составляла до 200–300 км¹²⁶. Здесь кочевали в основном «по вертикали» – в горы летом и с гор в долины зимой. На западе Туркмении кочевые пути были длиной от 150 до 400 км,

в центре и на востоке – кочевье было коротким¹²⁷. В Калмыкии, Бурятии и других традиционно «кочевых» регионах так же сохранялось кочевание (например, в Агинском аймаке Бурятии вплоть до начала 1930-х гг. кочевниками или полукочевниками было большинство населения¹²⁸). Экономические интересы азербайджанских кочевников в значительной степени определили включение Нагорного Карабаха в состав Азербайджанской ССР¹²⁹.

Кочевники продолжали жить нормами обычного права, «прадедовскими обычаями»¹³⁰, у них сохранялась развитая идентичность, тесно связанная с кочевым пастбищным хозяйством¹³¹ и родовым строем под главенством властителей – баев¹³², манапов, аксакалов, нойонов, тайшей, зайсангов и др.

В Казахстане связь кочевников с сородичами поддерживалась даже на расстоянии 300 верст¹³³.

Советский статистик В.Г. Соколовский, изучив казахские кочевья в 1926 г., сделал вывод, что «родовые моменты не только сохранились, но и... остаются весьма крепкими и настолько жизненными, что рассчитывать на их самопроизвольное исчезновение в сколько-нибудь ближайшем будущем совершенно не приходится»¹³⁴. В «Военно-статистическом описании Ташаузского округа ТССР» (1926 г.) было дано интересное сравнение «в пользу» кочевников: что они не

несли на себе «печать рабства, которой словно заклеимены» оседлые узбеки¹³⁵, долгое время жившие не свободной жизнью родовыми общинами, а оседло под деспотической властью хивинского хана.

Устойчивость родового образа жизни кочевников понимали местные власти. Начальник Охотско-якутской военной экспедиции В.А. Абрамов (он же исполнял обязанности уполномоченного Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) и Дальревкома¹³⁶ по Охотскому уезду) даже предлагал создавать у эвенков советы и исполкомы по родовому принципу, «ибо метод прикрепления... к волостным и сельским административным единицам положительного результата не дал»¹³⁷. Характерно, что такие родовые советы и исполкомы действительно были созданы.

Партийный руководитель Казахстана Ф.И. Голощекин (прибыл в республику из Москвы в сентябре 1925 г.) на пленуме крайкома ВКП(б) 30 апреля 1926 г. объявил, что в этом регионе «абсолютную роль играет бай»¹³⁸. Власти Киргизии рассматривали «родовую борьбу отдельных групп» как экономическую и общественную основу работы среди кочевого населения. Направленный в Туркмению партийный инструктор Кахелли в сентябре 1927 г. сделал вывод, что «единственная форма управления у кочующих скотоводов – это аксакальство». Родовая структура общества полностью сохраняла свою роль в Каракумах вплоть до начала 1930-х

гг. Скот и источники воды здесь находились под контролем родовой знати¹³⁹.

Для кочевников было привычным «держаться за вождя как за защитника интересов своего племени, хотя и деспота». Вплоть до конца 1920-х гг. власти отмечали, что лидер рода «даже при наличии органов официальной советской власти... является до некоторой степени реальной силой, с которой приходится считаться». Высокий авторитет родовых старейшин проявлялся в том, что если бай своего батрака называл «родственником» или «братом», то сельский батрачный комитет не требовал заключения между ними договора¹⁴⁰, который по идее должен был гарантировать и защищать трудовые права батрака. В кочевых районах беднота часто выступала заодно со своими баями и «даже иногда в защиту их»¹⁴¹. Такое положение вещей было немыслимым для большевистской идеологии, которая строилась на непримиримой «классовой борьбе».

Кочевое население некоторых регионов отличалось высокой религиозностью. В Бурятии и Калмыкии буддизм категорически не сдавал позиции¹⁴². Жители Туркмении, по мнению властей, были подвержены агитации «фанатично настроенного мусульманского духовенства», которое являлось «политической силой в кочевьях»¹⁴³. В этом регионе у кочевого населения работали только мусульманские школы – мектебы¹⁴⁴. В середине 1920-х гг. религиозные школы от-

крывались в Казахстане¹⁴⁵. Журналист Г.С. Тогжанов, посетив один из казахских аулов в Джетысуйском регионе (Семиречье), выяснил, что все шесть местных коммунистов поощают мечеть и молятся Аллаху, предпочитая быть исключенными за это из партии, чем «забыть Бога»¹⁴⁶. С другой стороны, среди казахов и каракалпаков Ташаузского округа Туркмении религиозность и влияние духовенства были слабее, чем среди местных узбеков и туркмен. Поэтому первые были «мало фанатичны и не подвержены агитации на религиозной почве»¹⁴⁷.

«Кочевые» регионы СССР фактически не были интегрированы в политическое и правовое поле страны. Власти констатировали, что для кочевников «никакие советские законы не писаны»¹⁴⁸. На самом высшем уровне – в ЦК РКП(б) – в 1924 г. было объявлено, «что советской власти в казахском ауле нет»¹⁴⁹. Об этом же заявил Ф.И. Голощекин на пленуме Казахского крайкома ВКП(б) 30 апреля 1926 г.¹⁵⁰ Да и позднее – в 1930 г. – председатель СНК Казахстана У.Д. Исаев отмечал, что в республике «есть в буквальном смысле слова несоветизированные аулы»¹⁵¹. Действительно, например, в Адаевском округе советов долгое время не было совсем¹⁵².

В Киргизии значительная часть населения, откочевывавшего на летние пастбища, «находилась в атмосфере безвластия»¹⁵³. В 1931–1932 гг. – через 15 лет после революции –

было выявлено, что огромная территория туркменской пустыни Каракумы «почти совершенно не советизирована», и ее «население почти не видело даже следов революции», В этом регионе не было членов ВКП(б), а советский аппарат был «слаб, беспомощен»¹⁵⁴.

В Казахстане и Киргизии функционировали фиктивные «советы», в которых председателями и их заместителями были баи и манапы. Эти «советы» кочевали вместе с хозяйствами баев¹⁵⁵. Места в волостных и аульных советах покупались за деньги или делились по договоренности между родами¹⁵⁶. Перевыборы советов в 1926 и 1927 гг. сопровождались родовой борьбой. Отличие Казахстана состояло в том, что в этом регионе отсутствовали «подлинные» советы, какими бы их хотели видеть власти (тогда как в Центральной России, например, советы были «подлинными», пусть даже часто и слабыми)¹⁵⁷.

Один казахский бай в разговоре с Г.С. Тогжановым назвал себя «настоящим советским человеком» и даже «коммунистом еще с николаевских (то есть дореволюционных. – Ф. С.) времен»¹⁵⁸. В то же время более низкие по своему социальному статусу кочевники часто не могли пробиться к власти. Когда в Загорной волости (Киргизия) вместо разогнанного властями «манапского» сельсовета был выбран новый, а его председателем назначен батрак, он жаловался, что «его никто не слушается, работа очень тяжело проходит»¹⁵⁹. Совет-

ские активисты в кочевьях подвергались изоляции и преследованиям¹⁶⁰. «Родовые авторитеты» также оказывали влияние на процесс организации артелей и колхозов¹⁶¹.

Кроме того, под их руководством сохранялась традиционная судебная система, о чем также писал Г. Тогжанов: «Аксакальский суд работает лучше наших, баи-аткамнеры... реагируют на все явления (начиная с мелочей и кончая крупными), происходящие в ауле, гораздо быстрее и более умело, чем наши низовые партийно-советские организации»¹⁶².

Начальник Бурят-Монгольского отдела ОГПУ В.А. Абрамов называл Бурятию «мало советизированной»¹⁶³. В республике имелись сельсоветы, которые не созывались с самого дня выборов. В Ойротии (Горный Алтай) в большинстве случаев сельсоветы фактически не существовали, а где были – их председателями избирали бывших дореволюционных старост. Население «кочевых» регионов проявляло политический абсентеизм – в Ойротии явка избирателей составляла 34 %, в Калмыкии – 23 %, в Бурятии – 21 %¹⁶⁴.

Большое недовольство кочевого населения вызывали административно-налоговые меры властей. У кочевников здесь было преимущество, так как «в кочевом состоянии легче укрыть те или иные объекты обложения, в любой горе, в любом ущелье легко ускользнуть от глаза финорганов»¹⁶⁵.

Определенные проблемы возникали в связи с призывом на военную службу, которая ассоциировалась у кочевника с

«полным отрывом от родных степей, выбытием в неизвестное место с неизвестным будущим, проживанием среди чуждого по национальности народа, подчинением своей степной свободы воле других, чуждых ему людей»¹⁶⁶.

Кочевники-казахи на первых порах сопротивлялись строительству Туркестано-Сибирской железной дороги, которое велось в 1927–1930 гг. Американский историк М. Пейн считает, что у них были причины бояться этой стройки, так как «железные дороги не благоприятствовали кочевникам, которые вслед за сооружением Транссибирской магистрали лишились земли» (имеется в виду дореволюционная колонизация казахских степей. – Ф. С.) и, «кроме того, железнодорожная сеть сыграла [свою роль] в подавлении степного мятежа 1916 г. и разгроме движения антисоветских басмачей в годы Гражданской войны»¹⁶⁷.

Характерно, что до революции сопротивления строительству железных дорог в Средней Азии и Казахстане не отмечалось – даже советские историки не упоминали о таких фактах. Так, казахи массово хлынули на строительство железной дороги Оренбург – Ташкент (сооружена в 1901–1906 гг.). Они составляли не менее 30–40 % общей массы строителей (10–12 тыс. человек). Кроме того, среди строителей были каракалпаки¹⁶⁸. В сооружении железнодорожной линии Самарканд – Ташкент и ответвления на Андижан в 1895–1899 гг. также принимало участие местное на-

селение¹⁶⁹. Причина такого явления, очевидно, состояла в отсутствии существенных разногласий между властями Российской империи и «родовыми авторитетами», которые не только не препятствовали строительству железных дорог, но и получали от этого прибыль. При советской власти ситуация изменилась, и баи потеряли доходы от участия в государственных проектах.

Большая проблема в государственно-кочевнических отношениях состояла в недостатке у властей знаний о кочевниках. Такая ситуация наблюдалась и до революции – еще в 1903 г. русский экономист В. Бенкевич прямо говорил об «абсурдности степной статистики», так как казахи скрывали от государства данные о своем имущественном положении и пр.¹⁷⁰ Ученые из Среднеазиатского университета П. Погорельский и В. Батраков, изучавшие кочевников Киргизии уже в советское время – в конце 1920-х гг., – также сделали вывод, что кочевое население «не склонно... давать многих нужнейших сведений, а в определенной части... прямо заинтересовано в скрытии»¹⁷¹.

В.Г. Соколовский писал, что с точки зрения «оседлого» человека для него было удивительным столкнуться с тем, что на вопрос «Где находится казахское население?» уездные чиновники отвечали, делая широкий круг рукой над картой, на которой не был обозначен ни один населенный пункт: «Вот вообще везде»¹⁷². Даже местные чиновники отмечали

«недостаточную изученность» Казахстана¹⁷³, а ученые – например, экономист А.Н. Дониц – наличие противоречивых данных о численности кочующих казахов¹⁷⁴. П. Погорельский и В. Батраков говорили о «невероятной трудности изучения» кочевий в Киргизии¹⁷⁵.

Начальник Бурят-Монгольского отдела ОГПУ В.А. Абрамов в 1924 г. сигнализировал вышестоящему руководству, что буряты «в своей массе не изучены», а учет кочевников «весьма труден». В том же году на совещании в Москве представитель АО Коми (Зырян) В.П. Юркин сообщил, что «в условиях кочевья очень трудно учесть все самоедское¹⁷⁶ население и вообще кочевое население». В сведениях, имевшихся у Камчатского губревкома и Охотского статбюро, численность кочевого населения Охотского побережья в 1925 г. отличалась более чем в 2 раза (интересно, что разброс данных об оседлом «туземном» населении был еще существеннее – в 4,4 раза¹⁷⁷, что говорило о сложности учета в этом регионе «нерусского» населения вообще).

Даже в 1930-х гг., после проделанной работы по коллективизации и переводу кочевников на оседлость, отмечалось «почти полное отсутствие... учета количества кочевых и полукочевых беднячко-средняцких хозяйств и кочевых колхозов»¹⁷⁸. В январе 1936 г. секретарь Совета национальностей ВЦИК А.И. Хацкевич сделал вывод, что «кочующее население не поддается точному учету»¹⁷⁹.

Полной ясности об абсолютном и относительном числе кочевников, проживавших в СССР в 1920-х гг., нет до сих пор. Еще в советское время Г.Ф. Дахшлейгер на основании архивных данных выявил, что степень оседлости населения в Казахстане была сильно преувеличена¹⁸⁰. В Калмыкии же, наоборот, количество оседлых могло быть больше, чем считалось, так как при сборе статистических данных не имелось четкого определения оседлого, кочевого и полукочевого хозяйства. В результате власти решили, что произошло «искусственное завышение числа полукочевых и кочевых». Например, в Чилгирском сельсовете Центрального улуса Калмыкии из 300 хозяйств только 35 не имели домов. Там были школа, медпункт, колхозный хоздвор. Тем не менее этот сельсовет был отнесен к полукочевым. В Туркмении было выявлено, что в кооперативных организациях «установить твердо, сколько членов-скотоводов, очень трудно, так как все имеют от одного и больше скота, и само правление не знает, кого считать скотоводом и кого – земледельцем»¹⁸¹.

Аналогичным образом отмечались трудности экономического учета и контроля – так, не получалось в достаточной степени изучить товарность кочевой экономики¹⁸². Поэтому власти априори решили, что «кочевые» регионы – «бедные», а «товарность [кочевого] скотоводства... чрезвычайно низка»¹⁸³. Впоследствии отсутствие достоверных знаний о «кочевых» регионах стало одной из причин трагических оши-

бок, связанных с построением «новой жизни» на этих территориях (наряду с общей поспешностью и непродуманностью действий советской власти в рамках реализации программы перевода кочевников на оседлость и коллективизации).

Характерно, что власти «кочевых» регионов не всегда были способны осуществлять контроль даже над членами партии. Местные партийцы были плоть от плоти представителями кочевого родового общества. Ф.И. Голощекин в 1926 г. возмущался, что «партийная родовая борьба... докатилась до губернских работников и в Уральск, и в Актюбинск, в Семипалатинск и в Сырдарью»¹⁸⁴. В июне 1929 г., в период партийной «чистки» в Киргизии, было дано указание «в кочевых и полукочевых районах произвести чистку там, где в наличии имеется более 50 % всех членов ячейки, не откочевавших на джайляу...»¹⁸⁵ В случае невозможности проведения партчистки в данный момент откочевавших коммунистов... чистку провести не позднее начала сентября»¹⁸⁶. Таким образом, даже члены партии, ушедшие на летние пастбища вместе со своим родом, фактически выпадали из-под контроля властей.

Состояние систем образования, здравоохранения и другой социальной инфраструктуры в «кочевых» регионах либо отставало от «оседлых», либо не соответствовало советским представлениям. Еще раз упомянем о превалировании религиозной системы образования¹⁸⁷, которое сопровождает

лось неспособностью создаваемых в «кочевых» регионах советских школ обеспечить доступ к образованию всех желающих. Так, в Туркмении школы находились прямо в кибитках, без парт и другого оборудования. Грамотность среди скотоводов этой республики составляла 2 %. При этом грамотные никогда не читали газет или книг, кроме Корана¹⁸⁸, что с советской точки зрения было неприемлемым.

Медицина в кочевых регионах в основном была несоветской. В Казахстане кочевники обращались за медицинской помощью к традиционным целителям¹⁸⁹. В Туркмении практиковали местные лекари-табибы. Советские фельдшеры, которые выезжали в кочевья «один раз в год», не пользовались популярностью – кочевники считали их «грязными, грубыми»¹⁹⁰. В Калмыкии и Бурятии здравоохранение оставалось в руках лам-медиков, которые успешно конкурировали с государственными медицинскими учреждениями¹⁹¹.

С точки зрения «оседлого» государства сама территория «кочевых» регионов выглядела «неорганизованной». Как известно, у кочевников фактически отсутствовало право собственности на землю в понимании европейской системы права. Поэтому кочевое землепользование выглядело для властей как «запутанное и обезличенное». Советские специалисты отмечали, что «порядка занятия пастбищу скотоводов не существует, кто где захватил, там и пасут скот». Источники воды, которые имели критическое значение для скотовод-

ческого хозяйства, также выглядели «неорганизованно». Например, в Туркмении количество колодцев, водохранилищ и арыков было настолько незначительным, «что пользование ими у скотоводов не раз приводило к племенной вражде». В 1927 г. в этом регионе использовать пастбища было вообще невозможно вследствие засухи¹⁹². Причина неспособности противостоять засухе виделась властям как «недостаток» кочевой цивилизации. Тем не менее засухи и другие природные катаклизмы отнюдь не мешали кочевникам в течение многих веков выживать не хуже, чем оседлым.

С другой стороны, «неорганизованность» в земельном и водном вопросе была в том числе последствием проводившейся в дореволюционное время «европейской» колонизации «национальных» регионов (эта проблема была актуальной и до революции, и в годы Гражданской войны). В 1920-х гг. Калмыкия вела долгие споры по разграничению земель с Астраханской и Царицынской губерниями. В Бурятии отмечалась «запутанность и исключительная сложность земельных взаимоотношений между русским и бурятским населением». На Дальнем Востоке чересполосное расселение русского и «туземного» населения приводило «к земельным недоразумениям, искусственно вызывая и поддерживая национальную рознь». «Европейская» колонизация считалась одной из причин нехватки земель для потенциального оседания кочевников¹⁹³. Остро земельный вопрос стоял в северной части Казахстана, в казахском регионе Джетысу (Семи-

речь) и в Киргизии. Эту проблему власти пытались решить, организовав в начале 1920-х гг. передел земли в пользу «тигунского» населения «кочевых» регионов.

С точки зрения властей изолированный образ жизни кочевников обуславливал их «виктимность», уязвимость к преступным посягательствам. Так, в Верхнеудинском уезде в марте 1922 г. банда численностью 15 человек совершила около пяти вооруженных нападений на бурятское население с целью грабежа. В том же году в Горном Алтае в районах селений Кош-Агач и Ар гут действовали банды Чегуракова и Алагызова (власти отмечали, что «Алагызов – инородец, отлично знает Горный Алтай»). С этой проблемой было связано и мнение о возможности участия самого кочевого населения в бандитизме: «Буряты, живя разбросанно, по одиночеству, легко подвергаются нападению грабителей. Проживающие... в отдаленных уголках поневоле делаются сторонниками их, преследуя материальные выгоды или же просто с целью... сохранения личного своего имущества»¹⁹⁴. Тем не менее уязвимость кочевников к бандитизму и их участие в нем имело место в основном в тяжелые исторические периоды – в частности, во время войн и безвластия, которые закономерно сопровождались ростом бандитизма (отметим, что, например, в период Великой Отечественной войны количество проявлений бандитизма в тылу СССР выросло в десятки и даже сотни раз).

Кочевники принимали участие в повстанческой деятель-

ности. Так, представители кочевых народов Дальнего Востока были вовлечены в Тунгусское восстание 1924–1925 гг. Центральноазиатские регионы СССР в 1920-х и 1930-х гг. стали ареной вооруженного противостояния советской власти и басмачей. Басмачество выдвинуло политические и экономические лозунги, в том числе «борьбу за ислам» и «отбор у русских земли». Действовавший в Туркмении лидер басмачей (с точки зрения властей – «явный бандит») Дурды Клыч, игнорируя советскую власть, собирал с населения налоги, изгнал милиционеров и представителей райревкома и райкома, уничтожил телефонную линию и вел «агитацию за объединение иомудов¹⁹⁵ под его главенством для борьбы с советской] властью, подрывая ее авторитет в глазах дехканства»¹⁹⁶.

Следует отметить, что архивные документы содержат много сведений об откровенно уголовном характере многих басмаческих отрядов, а также о их разложении и самопроизвольном распаде. Частыми были налеты басмачей на населенные пункты, убийства и ограбление мирных жителей, в том числе кочевников. Так, в ноябре 1925 г. Дурды Клыч увел 3 тыс. голов скота у казахов в Челкарском уезде Актюбинской губернии¹⁹⁷.

В 1926 г. произошло не менее 190 боевых столкновений советских войск с басмачами. Часть басмачей была уничтожена, часть впоследствии легализовалась. В 1927 г. Джуна-

ид-хан вновь поднял восстание, но был разбит. Власти Туркмении отмечали в том же году, что «общественная безопасность от нападения бандитов, грабежа и насилия обеспечена полностью»¹⁹⁸. Однако это оказалось не так – после начала массовой коллективизации, на рубеже 1920-х и 1930-х гг., басмаческое движение вновь активизировалось.

Кочевое население не только непосредственно находилось в гуще этих событий, но и сам термин «басмачи» имел непосредственное отношение к кочевникам. Оседлые жители Средней Азии так называли кочевников, которые совершали на них набеги¹⁹⁹. Практика кочевых набегов была ликвидирована российскими властями после вхождения Средней Азии в состав России, чему местные оседлые жители были рады. Однако в послереволюционных реалиях термин «басмачи» стал использоваться советскими властями в иной коннотации. Своих врагов они стали именовать «басмачами», чтобы наложить на них стигму в глазах оседлого населения Средней Азии²⁰⁰. Таким образом, вбивался клин не только между основной массой местного населения и повстанцами-басмачами, но и – вольно или невольно – между оседлым и кочевым населением.

Наряду с участием некоторой части кочевников в басмаческом движении, другая часть относилась к нему враждебно (такая ситуация была характерна и для оседлого населения). В апреле 1925 г. власти отмечали «частичный анти-

басмаческий перелом настроения населения». Летом 1926 г. командование 83-го кавполка Красной армии докладывало, что «население Ташаузского округа в массе своей по отношению к басмачеству настроено враждебно». В сентябре того же года советскими войсками был разбит отряд басмачей под командованием туркмена Якши Кельды. Власти выявили, что не только оседлое узбекское население «встретило смерть Якши Кельды с восторгом», но это событие «не вызвало никаких болезненных переживаний и эксцессов» со стороны кочевников-туркмен. Был сделан вывод «об общем падении влияния вождей и неспособности их поднять население с собой против советской власти»²⁰¹.

Ситуация в «кочевых» регионах в 1920-х гг. характеризовалась также тем, что потрясения, связанные с революцией и Гражданской войной, привели к изменениям в образе жизни кочевников. «Кочевые» регионы – особенно Казахстан и Калмыкия – как и многие другие территории страны, пережили тяжелый голод, который продолжался вплоть до 1922 г. Его последствия отразились и на демографии (убыль населения), и на экономике.

Тяжелое положение казахских полукочевых хозяйств привело часть их к оседанию и переходу к земледелию²⁰². Кроме того, возросла численность казахского населения в городах – с 1920 по 1923 г. на 23 %²⁰³. Всего к 1927 г. в Казахстане осело около 140 тыс. хозяйств²⁰⁴. Советский экономист

Н.П. Ооновский считал, что казахи в основном стали вести полукочевой образ жизни, а киргизы «уже почти совсем осели»²⁰⁵.

В Туркмении часть кочевников – в частности, в Мервском регионе, – как полагали власти, «прочно осела на землю». В Бурятии происходило постепенное сокращение скотоводства и развитие земледелия – так, в Чикойском аймаке буряты, хотя и очень медленно, начали переходить к смешанному, земледельческо-скотоводческому хозяйству, многие из них стали заниматься хлебопашеством. В Калмыкии в 1920-х гг. процесс оседания шел стихийно²⁰⁶, но достаточно интенсивно. Повсеместно строились поселки для зимовий кочевников²⁰⁷. Некоторые калмыки ушли работать на рыбные промыслы Астраханской губернии, а в Яндыко-Мочажном улусе Калмыкии часть населения пыталась перейти к самостоятельному рыболовству и к оседлому образу жизни в рабочих поселках²⁰⁸.

У якутов кочевание было «сильно стеснено запасами собранного сена, потребностью в обширных хлевах для рогатого скота, в изгородах, в водопое». Кочевки происходили максимум два-три раза в год. Зимы якуты-кочевники проводили в усадьбах («зимниках»), а лето – в «летниках», которые отстояли не более 10–15 верст от зимовок²⁰⁹.

На наш взгляд, основная причина стихийного перехода части кочевников на оседлость состояла в том, что в «ко-

чевых» регионах произошло колоссальное сокращение поголовья скота (проблема утраты земель, занятых «европейскими» поселенцами, после земельно-водной реформы начала 1920-х гг. уже не стояла так остро). Так, в Бурятии к 1921 г. численность скота снизилась на 51,2 % по сравнению с 1897 г., в Калмыкии в 1924 г. она составляла всего 30 % от уровня 1916 г.²¹⁰ Эти обстоятельства привели к обеднению кочевников и, как следствие, к их вынужденному оседанию, так как кочевать без скота не имело никакого смысла.

Власти сами признавали, что в послереволюционные годы процесс оседания был «вызван упадком животноводства, в особенности овец»²¹¹. В то же время наблюдалось постепенное – и достаточно быстрое – восстановление хозяйства и благосостояния кочевников²¹². Стихийный переход на оседлость в целом был «довольно условным», и, например, в казахском хозяйстве по-прежнему «скотоводческие элементы относительно преобладали над земледельческими». С «европейской» точки зрения все без исключения казахи оставались кочевниками²¹³. Временный переход на оседлость из-за обеднения был обычным явлением²¹⁴ для кочевой цивилизации в кризисные периоды.

Кроме того, в 1920-х гг. наблюдалось разлагающее, подрывающее кочевое общество явление – перерождение его традиционных институтов. Так, в Казахстане многие аткаминеры погрязли в коррупции, стяжательстве, превратились

в посредников при даче взяток властям, львиную долю которых часто забирали себе²¹⁵. (Очевидно, такое явление наблюдалось уже до революции.)

Сохранялись такие отрицательные особенности кочевого общества, как экономическое расслоение, кабальный характер взаимоотношений внутри рода, укрывание преступников сородичами²¹⁶, барымта, конфликты с оседлыми народами, набеги на земледельческие аулы с целью кражи и грабежа скота²¹⁷. Так, туркмены Хорезмского оазиса, жившие в бедности, имели своим основным занятием «калтаманство» – грабеж своих соседей, оседлых узбеков²¹⁸. (Как известно, набеги и насильственные «изъятия» имущества – прежде всего скота – всегда составляли немаловажный элемент жизнеобеспечения кочевников²¹⁹.) Еще одной проблемой, связанной с общественной безопасностью в «кочевых» регионах, были столкновения между кочевниками на этнической почве. Так, положение на юге Адаевского округа Казахстана и севере Краснодарского региона Туркмении характеризовалось долговременным вооруженным противоборством между казахами и туркменами²²⁰.

Племенная и родовая вражда, характерная для кочевников, проникла в местные органы власти. В некоторых «кочевых» районах руководящий состав советского аппарата состоял из представителей одного племени или рода, и лучшие земли и воду захватывало одно сильное племя или род²²¹.

В Казахстане внутри краевой и местных организаций ВК-П(б) шла родовая борьба. Интересно, что власти использовали ее в своих целях – например, рекрутируя активистов, ответственных за сбор налогов в аулах, из враждебных этому аулу родов²²².

Подытоживая вышесказанное, следует сделать вывод, что кочевые общества в СССР в 1920-х гг. сохраняли свою традиционную политическую структуру. «Родовые авторитеты» приспособлялись к новым политическим реалиям, либо получая контроль над низовыми органами советской власти, либо попросту игнорируя их. Кочевья фактически были «государством в государстве», огражденным от прямого воздействия советской власти. Несмотря на то что кочевая экономика переживала трудности, не произошло массового перехода кочевников на оседлость.

Конечно, кочевое общество 1920-х гг. нельзя идеализировать. В нем присутствовали политическое и имущественное расслоение, эксплуатация, межродовая и межэтническая вражда, коррупция среди «родовых авторитетов». Однако в целом кочевая цивилизация оставалась внутренне устойчивой – и политически, и экономически – и пыталась приспособиться к новым реалиям. В этом проявилась традиционная, присущая кочевникам гибкость.

Само по себе уклонение кочевников от участия в жизни государства не являлось главной проблемой для властей СССР, ведь, даже если кочевников было 3 млн человек, это

составляло всего лишь 2 % от численности населения страны. Однако кочевники занимали огромные и стратегически значимые территории, что и было главной проблемой для власти. Контроль «оседлого» государства за кочевыми народами вообще затруднителен, а в России после событий революции и Гражданской войны стал еще менее достижимым. Если во многих частях страны советская власть была установлена с трудом, то на «кочевых» территориях она не была установлена вовсе, что позволяет говорить о совершенно особой ситуации, сложившейся в этих регионах.

Взаимоотношения Советского государства и кочевых обществ были еще более острыми, чем отношения обычного «оседлого государства» и кочевников. Так, власти Российской империи могли найти и находили общий язык с родовыми властителями кочевых обществ (хотя в конце XIX – начале XX в. ситуация осложнилась из-за переселенческой политики). Однако для советской власти родовые властители априори были «классовым врагом», причем врагом особо опасным из-за того влияния, которое они имели на массу кочевого населения. В таких условиях, усугубленных уверенностью советского руководства в наличии постоянной «внешней опасности» для страны, «кочевая цивилизация» была обречена на жесткий конфликт с государством, что и показали события 1930-х гг.

Советская власть и трансграничное кочевье: непримиримые противоречия

«Кочевые» регионы занимали в Советском Союзе важное стратегическое положение. С одной стороны, близость национальных регионов к границе была полезной для СССР. Так, например, Бурятия играла особую роль в отношениях с азиатскими странами – особенно с Монголией, которая, как осознавали власти, по «культурно-национальным признакам, и языку, и формам хозяйства близка бурятской народности». Для расширения соприкосновения границ Бурятии и Монголии в 1924 г. даже предлагалось присоединить к бурятскому эксклаву – Агинскому аймаку – часть Дальневосточной губернии с железнодорожной станцией Оловянная²²³. (Это предложение было отвергнуто.)

Тюркское и другое мусульманское население западной части Китая (провинция Синьцзян) «тяготело» к жителям сопредельных республик СССР. В 1924–1925 гг. в китайском Илийском округе, как выяснили советские дипломаты, «сам факт существования по соседству родственников по духу, языку, обычаям и религии национальных советских республик достаточно революционирует местное население, стонущее под игом и эксплуатацией». Секретарь советского консуль-

ства в Кульдже Д.К. Ступников в 1926 г. выяснил, что местные калмыки интересуются «об участи переходящих из Зап[адного] Китая в СССР, дают ли им землю, не отбирают ли скот, разрешают ли развивать хозяйство»²²⁴. В сентябре того же года НКВД сделал вывод, что в китайской Кашгарии «мусульманское население... во главе с авторитетными духовными лицами, ища... сближения [с Советским Союзом], относится к нам в высшей степени дружески и лояльно»²²⁵. Влиял здесь не только факт создания национально-территориальной государственности «мусульманских» народов в рамках СССР, но и давление со стороны Китая на некитайское население его западной провинции.

Однако, с другой стороны, примыкание «кочевых» регионов к сопредельным странам было проблемой для Советского государства. Кочевники традиционно не признавали государственных границ – особенно если они были проведены поперек территорий, где эти народы жили и кочевали веками. Особую тревогу могла вызывать опасность полной или частичной откочевки какого-либо народа за границу, которая была вполне реальной, если вспомнить прецеденты массовых откочевок из России в дореволюционное время.

В период Гражданской войны поднялась волна откочевок казахов²²⁶ и бурят в Китай²²⁷ и Монголию, где они спасались и от белых, и от красных. В 1922–1923 гг. в эмиграции находились от 15 тыс. до 20 тыс. бурят. В СССР полагали, что

часть ушедших следовало считать прочно осевшей за границей, так как зарубежные власти стремились оставить бурят у себя, «как более культурных». В Монголии оказалась и «значительнейшая часть тунгусов» (эвенков), ушедшая туда из Забайкалья в период Гражданской войны²²⁸.

Даже в далеких от границы регионах трансграничное кочевье представляло потенциальную проблему. Так, в период голода 1923 г. Монгольское правительство предлагало российским калмыкам переселиться в Монголию²²⁹. Если бы это случилось, мог повториться прецедент массовой откочевки калмыков 1771 г., что ударило бы по престижу советской власти.

Продолжались откочевки и после Гражданской войны. В 1921–1924 гг. в Афганистан эмигрировали не менее 30 тыс. хозяйств – в том числе туркмены и казахи. В 1924 г. в Монголию только из Агинского аймака ушли 343 бурятских хозяйства, уведя с собой 26 569 голов скота²³⁰. Казахи и киргизы мигрировали в Китай, особенно в период хлебозаготовительного кризиса 1927–1928 гг.²³¹ Тогда же из Гасан-Кулийского и Атрекского районов Туркмении в Персию ушла значительная часть населения, уведя с собой 75 % всего имевшегося там скота²³².

Особенно тревожным для властей было то, что за границу массово мигрировали представители наиболее обеспеченных слоев населения, имевшие большое количество ско-

та и другого имущества. Уводили они с собой и опору советской власти – бедняков: по мнению властей, «чтобы бесконтрольно эксплуатировать их труд... за границей»²³³.

Причины откочевок были и политическими, и экономическими. Во-первых, это недовольство советской политикой – особенно репрессиями по отношению к зажиточным слоям общества. Во-вторых, стремление избежать налогообложения, исполнения натуральных повинностей и службы в армии. Так, в Монголии перекочевывавшие из СССР буряты не платили в течение трех лет никаких налогов, а воинской повинности в Монголии вовсе не было²³⁴.

Миграция за пределы Советского Союза происходила и в рамках традиционного скотоводческого кочевания. Так, в Туркмении часть населения уходила на зимовку в Персию в долину реки Горган²³⁵, так как зимой в Туркмении отсутствовал корм для скота. Однако иногда таким скотоводческим кочеванием прикрывалась эмиграция²³⁶.

Способствовало откочевкам то, что границы страны были проницаемыми. В Средней Азии басмачи многократно переходили границу в обоих направлениях. На Алтае в сентябре 1922 г. преследуемая властями банда Алагызова ушла через границу в Монголию (всего 50 человек, вместе с семьями)²³⁷. Туда же перешли банды Тобокова и Булычева²³⁸. Через советскую границу на Дальнем Востоке проникали бандиты (в том числе хунхузы) и белоэмигранты²³⁹. Причи-

ну проницаемости границ власти видели в том числе в обширности территории страны и слабости пограничной охраны. Так, по состоянию на 1926 г. охрана советско-афганской границы отсутствовала как минимум на протяжении около 250 км – от реки Мургаб до колодца Ширам-Куль. С советской стороны этого участка границы (в Туркмении) свободно пасся афганский скот, «охраняемый басмаческими курбашами»²⁴⁰.

Разумеется, Советское государство негативно относилось к откочевкам за границу, признавая их недопустимыми – и с политической, и с экономической точки зрения, «а также в целях планомерного устройства бюджета, точного учета народного достояния». Власти выражали обеспокоенность тем, что эмиграция «может вылиться в стихийные формы»²⁴¹.

Кроме самого факта потери населения, опасность откочетов для властей заключалась в том, что граждане СССР, ушедшие за границу, попадали в сферу влияния антисоветской эмиграции. Так, эта проблема была весьма актуальной в случае Бурятии. На территории Китая, в регионе Барга, где в Шэнэхэнском хошуне еще с начала XX в. компактно проживали откочевавшие из России буряты, возник «центр бурятской эмиграции». В 1922 г. там проживали около 700, в 1933 г. – 3 тыс. эмигрантов.

Антиправительственно настроенная часть священнослужителей в Бурятии агитировала бурятское население к «уходу в Китай». Такая агитация имела определенный успех – в

январе 1929 г. от 2,5 до 3 тыс. бурятских юрт поднялись с места и придвинулись к границе. Через месяц около 78 юрт (400–500 человек) перешли границу, уведя с собой 9280 голов скота. В Шэнэхэн переезжали и буряты-эмигранты, ранее осевшие в МНР, – в частности, в 1926 г. 10 бурятских семей из Ононгольского хошуна во главе с ламой Г. Дагбаевым. В июне 1929 г. многие бурятские эмигранты в восточных районах Монголии «нащупывали почву» для переселения в Шэнэхэн²⁴².

Власти считали опасной близость проживания кочевых народов к границе. Показательным примером здесь является опять-таки Бурятия. В 1922 г. некоторые представители властей возражали против объединения двух Бурят-Монгольских автономных областей²⁴³, сомневаясь, что объединенная Бурятия будет «служить проводником в деле революционирования монгольских масс... так как буряты, в случае давления извне, не окажутся настолько стойкими, как казаки, которым фактически и принадлежит вся пограничная с Монголией полоса». В 1924 г. ОГПУ отмечало необходимость особого внимания к Бурятии, с ее «кочевым населением... в условиях... соседства с Монголией, являющейся стратегическим пунктом для д[альне]в[осточных] империалистов» (имелись в виду Китай и Япония. – Ф. С.), а также из-за «исторически сложившегося взаимоотношения бурят с монголами»²⁴⁴ (то есть их этнокультурного родства).

Близость Монголии рассматривалась как фактор, негативно воздействующий на осуществление контроля над кочевниками. В 1924 г. руководство Борзинского уезда сделало вывод, что, «приблизив границы Агин[ского] аймака к Монголии, доходы не увеличишь, так как кочующие буряты будут больше, чем теперь, укрывать за границей свой скот»²⁴⁵.

Характерно, что «нежелательное» влияние, имевшее «внешнеполитический уклон», на кочевые народы власти видели и внутри страны. Прежде всего здесь следует отметить борьбу с распространением панмонгольской идеологии, которая проявлялась в том числе в планах объединения Бурятии и Монголии в одно государство. Проявления панмонголизма среди советских и партийных работников жестко пресекались. Впоследствии обвинения в поддержке панмонголизма стали одним из инструментов кампании массовых репрессий 1930-х гг. в Бурятии и Калмыкии. Негативному отношению к панмонголизму в СССР способствовало также военно-политическое противостояние с Японией. Особенно актуальным этот фактор стал после создания Японией на территории Китая марионеточного монгольского «государства Мэнцзян». Осенью 1937 г., с целью удержания МНР под контролем и предотвращения японской интервенции, в эту страну были введены советские войска²⁴⁶.

Другим аспектом трансграничной миграции были прикочевки в СССР. Во-первых, к ним относилось возвращение откочевников – советских граждан – из-за границы. Так, к

1919 г. часть бурят из китайской Барги вернулась в российское Забайкалье²⁴⁷. В 1923 г. власти отмечали, что часть бурят-эмигрантов «склонна возвратиться на старые места»²⁴⁸.

Весной 1921 г. началось массовое возвращение казахов и киргизов в Туркестанскую и Киргизскую АССР²⁴⁹ (имеются разные оценки их численности – Б. Байбулатов проводил сведения, что в 1917–1921 гг. из Китая вернулось 30 тыс. человек²⁵⁰, а Н.Н. Аблажей оценивает число вернувшихся в 64 тыс. человек только к маю 1917 г.²⁵¹).

Власти поощряли процесс возвращения. В ДВР в 1921 г. был принят закон, согласно которому люди, ушедшие за пределы страны в период Гражданской войны и объявленные «врагами народа», в случае возвращения к определенному сроку освобождались от ответственности²⁵².

Правительство Бурятии было озабочено вопросом переселения из Монголии 23 тыс. бурят, ушедших туда в годы Гражданской войны. (Интересно, что выдвигалась также идея переселить в Бурятию 20 тыс. бурят, проживавших в Иркутском регионе.) Для этого была создана специальная комиссия. Власти надеялись, что откочевники вернутся из Монголии в связи с заключением договора с правительством этой страны о взимании с откочевников налогов²⁵³.

СССР направлял своих представителей в Афганистан для переговоров о возвращении эмигрантов. Руководство Туркмении предлагало осуществить возвращение откочевников,

«поставив эмигрантские стада в безвыходное положение, так как пастбища, пригодные для них, имеются только на нашей территории». Реакция со стороны эмигрантов последовала: в феврале 1927 г. в Керкинском округе Туркмении происходил «перегон стад эмигрантов-туркмен в Афганистан, ввиду распространившихся слухов о предполагаемой якобы конфискации... всех стад эмигрантов, пасущихся на... территории» СССР. Так, богатый и влиятельный туркмен-эмигрант Наубат Мирахур перегнал 12 тыс. каракулевых овец. Тем не менее в 1926–1928 гг. из Афганистана в Таджикистан возвратились около 7–8 тыс. хозяйств²⁵⁴

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.